
1941.
КОМАНДИР ОКРУЖЕНЦЕВ
ТОМ 2
ДЕРЖАТЬ ДОРОГУ
ЮЛИЯ ИГНАТОВА

Юлия Игнатова

1941. Командир окруженцев. Том 2. Держать дорогу

https://litres.ru/74901164
SelfPub; 2026

Аннотация

Июль 1941 года. Под Могилёвом замыкается кольцо. Рота лейтенанта Нечаева держит дорогу, по которой вывозят раненых.

В теле молодого лейтенанта — Андрей Климов, подполковник запаса из нашего времени. Он помнит, чем закончится оборона города. Связь с батальоном обрывается, соседние части отходят, а в перевязочном доме ещё ждут подвод.

Когда приходит приказ на отход, Нечаеву нужно выиграть несколько часов. Прежде чем увести свою роту, он должен пропустить по дороге последние носилки.

Содержание

Глава 1. Чужой окоп 4
Глава 2. До рассвета 18
Глава 3. Машина с востока 31
Глава 4. Двенадцать мест 42
Глава 5. Пополнение 54
Глава 6. Окоп остаётся 65
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Юлия Игнатова 1941. Командир окруженцев. Том 2. Держать дорогу

Глава 1. Чужой окоп

Человек, сдававший нам участок, показал на сапог, торчавший из земли.

— Туда не копайте. До вечера не успели.

Он сказал это буднично, а потом остановился, словно сам услышал себя со стороны. Молодой, с обожжёнными бровями. На гимнастёрке засохла белая глина.

— Из ваших? — спросил я.

— Наш. Плотников. Из третьего взвода. Накрыло утром, обвалился край. Вытащили бы, да опять началось.

Он держал лопату обеими руками и не отдавал. За его спиной семеро бойцов ждали, когда их наконец отпустят. Один спал стоя, прижавшись лбом к сосне.

Тринадцатое июля заканчивалось. Ещё утром я считал, что худшее осталось в лесу за Днепром. Теперь передо мной лежал человек, которого не успели похоронить, и окоп, в ко-

тором предстояло жить моей роте.

— Фамилию и имя запишите, — сказал я Савельеву. — Место покажете после передачи.

Молодой командир кивнул. Он, кажется, ждал другого вопроса: сколько здесь убило и скоро ли придут немцы. Я задал и эти вопросы, но чуть позже.

Окоп тянулся по склону, заросшему молодыми соснами. Внизу проходила дорога. Дальше виднелись сараи, крыши невысоких домов и высокая труба. За ними, в вечерней дымке, стоял Могилёв. Днепра отсюда не было видно. Мы находились восточнее реки, среди дорог, которые на карте ещё соединяли город с большой землёй.

Слово «ещё» я оставил при себе.

Наш участок прикрывал небольшой дорожный узел у кирпичного двора. Через него везли боеприпасы к переправам и раненых в обратную сторону. Сам по себе этот склон ничего не решал. Вместе с другими такими склонами он позволял работать пути, который требовался тысячам людей.

Лебедев объяснил это без торжественных слов. Занять. Оборудовать. Не допустить выхода противника к дороге. Поддерживать связь с соседями и батальоном. Легкораненых использовать с учётом заключения врача.

На бумаге всё поместилось в несколько строк.

Я спустился на дно окопа. Левая рука сразу напомнила о ране: пришлось неловко повернуться, чтобы не ударить плечом о стенку. Передававший участок заметил.

— У вас тоже?

— Вчера.

Он посмотрел на мою повязку, скрытую гимнастёркой, и больше не спрашивал.

По дну стояла вода. Не везде; там, где уже прошли люди, грязь перемешалась с хвоей. Стенки были обвалены. Хода к дороге не существовало — только тропинка, по которой удобно ходить днём, пока по тебе не стреляют.

— Слева кто?

— Рожков. Пехота. До него сад, потом низина.

— Связь?

Молодой командир поднял оборванный провод.

— До полудня была. Товарищ лейтенант, я посылал. Двоих. Один вернулся, второго там оставили, у них перевязка.

Я присел у стенки. Провод уходил в траву, словно продолжал соединять нас с кем-то полезным.

— Кто вернулся?

Он показал на спавшего у сосны бойца.

— Пусть сначала поест. Потом расскажет моему сержанту.

— Мы уходим?

В его голосе было столько осторожной надежды, что мне стало неловко за каждую лишнюю минуту осмотра.

— Как подпишем передачу.

Он наконец протянул лопату.

Я не взял её.

— Инструмент тоже по счёту. Коршунов.

Наш писарь подошёл, прижимая повреждённую руку к животу. Под мышкой у него была сумка Зорина. Капитан уехал на лечение несколько часов назад, а его привычка держать в порядке чужие бумаги осталась здесь, в этом движении Коршунова.

* * *

Пока Коршунов переписывал имущество, я поднялся на тыльную сторону склона. Оттуда хорошо виделась дорога на Чаусы. На ней стояли две машины, возле ближайшей возились люди. Дальше, за огородами, начиналось Луполово — восточная часть города с путями, мастерскими и низкими рабочими домами. К югу и юго-востоку оставались наши передовые позиции. Там уже воевали. Здесь пока собирали тех, кому предстояло заменить убывших.

Мы пришли в готовую оборону, но досталось нам место, которое наспех подправляли после каждого попадания. Оставшиеся от прежнего подразделения люди не успевали закончить одно, как требовалось приниматься за другое.

Из штаба нам выделили станковый пулемёт с расчётом и один ручной. На проверку обоих пришёл Дроздов. Станковый он сразу узнал, похлопал ладонью по кожуху, словно встретил знакомого коня.

— Наши на таком ходили, — сказал он.

Я помнил телегу, которую он когда-то не хотел отдавать под медицинское имущество. Теперь старое оружие снова

оказалось важнее удобства переноски.

Ручной пулемёт требовал проверки. Его принесли со склада вместе с тремя дисками, один был помят. Человек, выдававший, уверял, что повреждён только снаружи. Помощник расчёта уверял обратное. Оба ждали, чью сторону примет лейтенант.

— Кто стрелять будет? — спросил я.

Невысокий боец с широкими скулами поднял руку.

— Тогда покажешь своему командиру, что принимаешь. При первом случае проверим стрельбой с разрешения участка. Не работает — записываем и меняем. До этого исправным не считать.

Мне захотелось добавить привычное: «Не верьте зелёной отметке в таблице». Я вовремя прикусил язык. Здесь таблицей был лист Коршунова, а отметку ставил человек, которого потом можно было найти за соседней стенкой.

Сорок семь лет моей прежней жизни давали полезные привычки и несколько совершенно лишних. Андрей Климов, подполковник в запасе, мог позволить себе добиваться выполнения через начальника службы. У лейтенанта Нечаева в руках были два человека, спорившие над помятым диском, и полчаса до темноты. Пришлось выбрать то, что работало здесь.

Старший расчёта предложил поставить станковый на видном месте у края сосен. Оттуда просматривался хороший кусок дороги.

Я лёг рядом с ним, посмотрел.

Из-за нижнего забора виднелись верхушки кустов и светлая полоса колеи. Позиция нравилась. Слишком быстро понравилась нам обоим.

— А если там, где забор кончается?

Он сдвинулся, прищурился.

— Закрыто.

— Нам закрыто. А оттуда?

Мы прошли вниз по своему склону и посмотрели обратно. Ровная линия сосен, свежая земля, щиток на светлом фоне. Я не стал спрашивать, заметит ли противник. Старший расчёта сам выругался и полез наверх переносить часть имущества.

Внизу Лукин подбирал доски. Одну несла пара бойцов, другую он тащил в одиночку, с трудом удерживая длинный край.

— Вдвоём возьми, — сказал я.

— Она лёгкая.

Доска зацепилась за столб, развернула его, Лукин едва не упал. Подошёл Седых, взял второй конец.

— Видишь, лёгкая сама дорогу выбирает, — заметил он.

Оба засмеялись и понесли вместе.

Я ещё не запомнил их голоса. Только узкие плечи Лукина и красные от глины руки Седых.

* * *

Костин вернулся от дороги недовольный.

— Людей расставить можно. Остановить серьёзное наступление — нечем.

Он говорил негромко. За время лесных переходов Виктор Сергеевич научился не обсуждать недостатки положения так, чтобы их услышала вся колонна. Рота ещё не стала колонной в другую сторону, но эта привычка уже работала.

— Что увидели?

— Сараи внизу пустые. За ними канава. Дорога просматривается плохо, много оград. Из соседней части обещают прислать ещё один пулемётный расчёт. Обещают.

Он выделил последнее слово.

— Когда?

— Не знают.

— Значит, на дополнительный расчёт пока не рассчитываем.

Костин кивнул. Правое предплечье у него ещё не позволяло привычно обращаться с оружием. Он держал планшет левой рукой и злился каждый раз, когда надо было попросить кого-нибудь придержать карту.

Дроздов подошёл со стороны сада.

— Рожкова нашёл. Согласовали, куда посылать. Между нами люди есть, только они думают, что уже к нам относятся.

— Сколько?

— Отделение. Их сюда на ночь оставили, а кому подчиняться — не сказали.

Я отправил Дроздова уточнять границу вместе с команди-

ром соседей. Костину поручил первый взвод. Собственных взводов у нас пока не существовало, но подразделение должно было с чего-то начаться. Савельев получил резерв и людей с ограничениями по ранениям. Не потому, что они были хуже. Учитель лучше других умел заметить того, кто переставал справляться, и не унизить его вопросом перед товарищами.

— А списки? — спросил Петя.

— Писаря найдём тебе в помощь.

Он машинально поправил очки.

— Коршунов уже помогает.

— Коршунов будет заниматься хозяйством, пока нет старшины.

Я произнёс это и вдруг отчётливо увидел Мартынова на носилках. Его левую руку, которую жал перед отправкой. На секунду захотелось повернуться и спросить, правильно ли распределил людей.

За моей спиной никого не было.

* * *

Первую стрельбу вызвала пустая бочка.

Она выкатилась из нижнего двора, ударилась о камень и покатилась по колее. Кто-то в окопе увидел движение, крикнул. Один выстрелил. За ним другой. Через несколько секунд трое бойцов уже били по забору, а люди у соседней стенки поднимали головы, пытаясь понять, откуда идут немцы.

Дроздов остановил ближних. Костин добрался до остальных. Я услышал последний выстрел, когда уже бежал к повороту.

— Кто цель видел?

Молчали.

— Первый кто стрелял?

Поднялся худой красноармеец. Руки у него дрожали, но не настолько, чтобы скрыть. На щеке была белая полоска от ремня каски.

— Я. Там движение.

Я заставил его показать. Склонился, посмотрел с его места. Бочка лежала в канаве, из-за неё торчал обломок клёпки. Издалека действительно могло показаться плечом.

— Теперь что видишь?

Он долго смотрел.

— Бочку.

— Тогда остальным скажи.

Он сказал сам, достаточно громко. Костин передал соседям, что у нас произошло. Мы не успели закончить, как с чужой стороны по склону прошла короткая очередь. Пули срезали листья над свежей землёй. Все пригнулись сразу.

Бочка никого не убила. Беспорядочная стрельба показала, что на позиции появились новые люди.

Когда стало тихо, я спросил командира, сдававшего участок, случалось ли такое раньше.

Он посмотрел на меня без злорадства.

— Случалось. Ночью хуже.

Значит, одной неловкостью нашего бойца объяснить всё было нельзя.

Я прошёл с помощниками вдоль окопа. На каждом повороте спрашивал сидевшего там человека, кто находится рядом, кому он передаст сообщение, что видит со своего места. Несколько раз получил уверенные неправильные ответы. Один считал своих за нижним забором, хотя они уже ушли. Другой не знал, что у соседнего отделения есть наблюдатель впереди.

Дроздов слушал, всё сильнее хмурясь.

— Если это каждому объяснять, до утра не закончим.

— Если не объяснить, ночью начнут своих искать выстрелом.

Я не читал им урок. Заставил назначенных помощников по очереди провести людей хотя бы до ближайших поворотов и показать соседей. Больных не водили. К ним пришли сами.

Мне очень не нравилось, что первый успех новой роты состоял в прекращении собственной стрельбы. В старом времени на занятиях я обычно показывал такую историю уже после того, как всё закончилось. Можно было остановить разбор, налить воды, спросить слушателей, на каком шаге они вмешались бы. Здесь разбор шёл одновременно с жизнью. Стоило мне задержаться у одного отделения, как в другом уже начинали новое дело, не дождавшись ответа.

Костин вернулся с правого края.

— Дальше так не походите, — сказал он. — Руку уже бережёте, а лицом нет.

Я вытер лоб. Ладонь оказалась мокрой.

— Что предлагаете?

— Вы задачу нам. Мы людям. Потом проверите, если останется время.

— Проверю.

Он кивнул, как будто другой ответ его и не устраивал.

Под вечер выяснилось, что человек, первым выстреливший по бочке, лучше других умеет подгонять доски к стенке. Дроздов поставил его помогать с укрытием. Винтовку не отобрал, клейма на всю роту не повесил. На наблюдение ночью назначил с опытным бойцом.

Я подписал передачу участка. Молодой командир ещё раз пересчитал своих, задержался возле свежей ямы и попросил передать следующему, кто здесь лежит.

— Передадим, — ответил я.

* * *

Плотникова вынули перед темнотой.

Его товарищи уже собрались уходить, но остались. Из земли достали молодого мужчину с узким лицом и сложенными под грудью руками. Савельев записал сведения, командир подтвердил. Поблизости нашлось место, где не проходили провода и не надо было разрушать окоп.

Никто не сказал речи. Командир сел на край ямы, потом

встал, словно вспомнил, что ему нельзя сидеть. Один из его бойцов закрыл лицо ладонью.

Я ждал, пока они закончат.

Рядом Кудрин пытался вогнать лопату в плотную землю. Перевязанная рука мешала. Он перехватывал черенок, сердился, опять давил.

— Отдай Седых, — сказал я.

— Я могу.

— Ты можешь сейчас повредить руку и завтра не сможешь ничего. Отдай.

Он подчинился, но остался возле нас. Потом принёс воду. Нёс здоровой рукой, почти не расплёскивая.

Когда прежние хозяева участка ушли, стало тихо. Привычная ложная тишина: где-то работал мотор, над городом висел дым, издалека доносились удары. Просто рядом никто не стрелял.

Зинаида устроилась в низком сарае у тыльного склона. Местный врач согласовал это место и оставил ей помощника из санитаров. Я заглянул, когда она раскладывала имущество.

— Сидеть можно? — спросил я.

— Вам можно. Мне тоже. Остальным скажете?

Я сел на ящик.

Она осмотрела повязку. Работала медленнее прежнего — берегла собственную руку. Мы оба делали вид, что не замечаем, как это смешно со стороны: два легкораненых чело-

века устанавливают друг другу ограничения, которые никто больше не заставит соблюдать.

— Вера говорила, что вы будете забывать, — сказала Зинаида.

— Пока помню.

— Сегодня ещё не ночь.

Снаружи позвали Коршунова. Кому-то не хватало котелка. Кто-то хотел узнать, где оставили его товарищей. Винтовку, принятую утром исправной, заклинило после чистки. Рота начинала жить.

Я смотрел на порванную занавеску над маленьким окном. В другом времени в таких сараях поисковики находили ложки, пуговицы, куски солдатского снаряжения. Я сам поднимал их из земли. Осторожно складывал в подписанные пакеты. Говорил молодым ребятам, что за каждой вещью стоял человек.

Теперь человек лежал на соседнем ящике и ругался, потому что у него утащили портянку сушиться.

— Завтра вернёте? — спросила Зинаида.

Я понял, что она говорит о плече.

— Покажусь.

Она кивнула и отпустила рукав.

Возле двери ждал Савельев.

— Товарищ лейтенант, с лопатами не сходится.

— Сколько приняли?

— Девять. В роте сейчас восемь. Девятой Плотникова хо-

ронили.

Мы вернулись за ней вместе.

Глава 2. До рассвета

Первую ночь на позиции я провёл, мешая людям работать.

Сначала нашёл, что водой из окопа занимаются не там. Потом решил переставить наблюдение. Потом увидел, как слишком близко к краю устроили место для отдыха, и начал объяснять Костину, куда надо перенести.

Он выслушал и спросил:

— Вы мне взвод дали?

— Дал.

— Тогда дайте я его поставлю.

Я замолчал.

Костин не стал торжествовать. Показал, почему выбрал это место. Я не видел с дороги небольшого понижения. Он успел его осмотреть, пока я проверял хозяйство. Вода в окопе тоже оказалась не ошибкой Седых: под слоем плотной глины выходила сырость, и простым переносом лопаты вопрос не решался.

Мне следовало обойти людей и выяснить, что нужно. Я пытался командовать каждой лопатой.

— Два часа, — сказал я. — Потом доложите, что сделали и что не получается. Самовольных перестановок не будет, но каждую жердь со мной не согласовывайте.

— Вот это уже понятно.

Он ушёл, а я остался у сосны и подождал, пока схлынет

раздражение. Оно было направлено на него лишь наполовину.

В сорок семь лет трудно снова стать двадцатичетырёхлетним. Ещё труднее — согласиться, что люди, которым по тридцать, могут разбираться в конкретном склоне лучше твоих сорока семи лет.

* * *

После разговора с Костиным я собрал помощников там, где можно было говорить не наклоняясь к самому уху.

Землю вместо карты расчертил палочкой. Склон, дорога, кирпичный двор, сад слева. Дроздов добавил дом, за которым не было видно низины. Савельев сел напротив и начал аккуратно перерисовывать. Я остановил.

— Сначала посмотри.

Он поднял голову.

— Главная задача какая?

— Дорогу не отдать.

— Зачем?

— Наши ездят.

— И раненых везут. Если возле нас стреляют, не обязательно надо всем бежать туда. Если тихо, не обязательно можно встать. Нам нужно, чтобы путь работал столько, сколько приказано.

Костин потёр переносицу.

— Это понятно.

— Вам понятно. Двое ваших думают, что при первом се-

рьёзном обстреле идут к реке. Я спросил.

Лейтенант выругался тихо.

Мы договорились о простом порядке. Кто принимает взвод, если старший выбыл. Куда приходят за мной. Кому докладывают, если меня нет. Что каждый оставляет следующему перед тем, как уйти по делу.

На словах всё заняло немного. Потом выяснилось, что у одного помощника нет часов. Другой не умеет уверенно пользоваться нашей схемой. Третий уверен, что дойдёт до Костина по голосу даже ночью.

Я посмотрел на тёмный склон.

— Голос вас сюда и привёл бы, если бы там никого не стреляло. А если все разом начнут кричать?

Проверили на месте. Седых остался у поворота, Лукин повёл меня к другому концу. Я знал, куда иду. Всё равно в темноте миновал нужный проход. Вошёл в чужую нишу, задел чью-то ногу и получил вполне заслуженное ругательство.

Возле стены спал раненый. От моего прикосновения он вздрогнул, схватился за винтовку.

Я сказал фамилию, велел лежать спокойно и вернулся другим путём.

Костин ждал.

— По голосу? — спросил он.

— Проверили, — ответил я.

Обошлись без смеха. Перед ним я уже успел продемонстрировать, что темнота не принимает в расчёт выслугу лет,

оставшуюся в другой жизни.

Савельев предложил отметить повороты чем-то, что свои будут узнавать вблизи. Дроздов добавил, что лишних заметных вещей наверху быть не должно. Они договорились между собой и пошли делать.

Я остался у рисунка на земле.

Костин задержался рядом.

— Вы их проверять будете каждый день?

— Сколько потребуется.

— Вас кто проверит?

Я посмотрел на него.

Он не усмехался.

— Вы и проверите. Если я неясно сказал — переспросите. Если забываю, кого куда послал, — напомните.

— А если вы не захотите слушать?

— Тогда скажете ещё раз.

Костин поднялся.

— Это запомню.

Мне стало неуютно. Я предложил человеку ровно ту власть надо мной, которой в повседневной службе обычно не хотят называть властью. Сейчас отказываться было поздно.

* * *

Телефонист явился после полуночи.

Худой красноармеец с торчавшими из-под пилотки светлыми волосами. На спине катушка, через плечо сумка. Весь он выглядел так, будто его собрали из проволоки, которую

забыли натянуть.

— Азаров. Из батальона. Кого соединять?

Я показал место. Он осмотрел его, потом выбрал другое: суше, ближе к защищённому подходу. Поставил аппарат на доску.

— Если каждый сюда ногой наступит, к утру опять понесу, — сказал он. — Сторожить дадите?

— Для аппарата?

— Для людей. Чтобы не наступали.

Савельев улыбнулся впервые за вечер.

Я выделил помощника. Азаров попросил того, кто умеет слушать и не стесняется переспросить. Петя позвал Солодова. У того ещё была повязка возле уха; пришлось подобрать другого.

— Круглым новичком можно? — спросил Кудрин.

— Кем?

— Я про себя.

Азаров посмотрел на его руку.

— Катушку таскать не заставлю. Договоримся.

Через некоторое время аппарат ожил. Я услышал голос Киреева, такой обычный, словно между нами не было ни ночного сада, ни оборванных дорог.

Капитан спросил, приняты ли люди и имущество. Доложил об общей обстановке ровно столько, сколько мог. Предупредил, что соседние участки ещё уточняются и движение по дорогам придётся ограничивать.

— Спать по очереди, Нечаев. Сегодня на вас не только ваши бессонные глаза.

Я посмотрел на Костина, стоявшего рядом.

Он предусмотрительно отвернулся.

* * *

Первый разговор с Киреевым закончился, и Азаров вдруг протянул мне трубку снова.

— Товарищ капитан, ещё вопрос. Какое время у вас?

Ответа я не слышал. Телефонист посмотрел на свои часы, потом на мои.

— Расходимся, — сказал он после отбоя. — На семь минут.

В обычной жизни семь минут могли ничего не решить. Здесь за них можно было успеть вывести людей на дорогу или как раз попасть под огонь, который обещали прекратить к определённому часу.

Мы сверили часы у тех, у кого они были. Савельев внёс время на схему. Костин посмотрел на мою руку.

— Вот и проверили.

Я кивнул.

Часы у меня были не мои. У Нечаева оставались старые наручные, с потёртым ремешком. В первые дни после попадания я носил их не замечая. Сейчас впервые понял, что несколько недель доверял прибору, который мог пережить взрыв хуже своей каски.

Азаров попросил помощника остаться у аппарата, а сам

повёл нас к ближнему участку линии. Кудрин шёл следом, с непривычно важным видом. По дороге то и дело хватался за перевязанную руку, потом отпускал, когда замечал взгляд Зинаиды из сарая.

Провод лежал там, где проходили к кухне. Один человек перешагнул, другой наступил, третий подцепил каблуком. Связист поднял его и показал повреждение оболочки.

— Вот этот у вас будет утром всех спасать, — сказал он. — Если вы его раньше сами не порвёте.

Он попросил перенести проход чуть в сторону. Коршунов начал объяснять, что там мешают ящики. Азаров спросил, что дешевле: переставить ящики один раз или искать обрыв каждый раз, когда кто-нибудь пойдёт за кипятком.

Я предложил не спорить и подозвал двоих.

Пока переносили, от нижнего наблюдателя пришёл человек. В саду слышали движение. Своих там по последнему уточнению быть не должно.

Люди у ящиков остановились. Азаров поднял голову. Кудрин сразу потянулся за винтовкой.

— Вы здесь, — сказал я. — Коршунов, работу закончить. Азаров, связь проверить. Мне — доклад наблюдателя.

Я почувствовал собственный страх не в груди, а в ногах: они готовы были понести вниз, чтобы всё увидеть самому. Слишком часто за последние недели я узнавал место лучше подчинённых и потом оставался единственным человеком, который мог провести остальных. Сейчас следовало сделать

иначе.

Костин послал проверять своего помощника и доложил, куда тот ушёл. Дроздов не снял людей с другой стороны. Савельев разбудил тех, кому предстояло сменять наблюдение. Всё происходило медленно, без привычного ощущения, что командир уже бежит и потому работа идёт.

Из сада донеслось два выстрела. Потом один, в ответ.

Я подождал ещё несколько секунд и захотел отменить собственный порядок.

Костин положил ладонь на край моего планшета.

— Они знают, что делать.

Он говорил моими же словами. От этого стало особенно трудно.

Посыльный вернулся. Возле дальней ограды видели двух человек, различили силуэты и короткую вспышку. После ответного огня те ушли. Свои не пострадали. Кто именно был в саду, установить не смогли.

Мы передали сведения соседям и в батальон. Не превратили двух теней в большое наступление, но и не вычеркнули их только потому, что всё кончилось быстро.

Когда остальные разошлись, Кудрин сердито потрогал винтовочный ремень.

— А я тут стоял.

Азаров проверил аппарат и протянул ему трубку.

— Скажи фамилию. Потом повтори, что ответят.

Кудрин послушался. На другом конце его спросили о на-

блюдении. Он сумел передать сведения почти без ошибки, один раз заглянул в записку.

— Вот и сходил, — сказал телефонист. — Только быстрее ног.

Кудрин не ответил, но трубку положил осторожно.

* * *

К рассвету прибыли артиллеристы.

Шестеро при орудии, старший — сержант Каширин, пожилой, с нелепо молодой шеей над выцветшим воротником. Расчёт поддерживал наш участок, но оставался в своей батарее. Каширин сразу объяснил, кому докладывает и что без согласования делать не будет.

— Хорошо, — сказал я. — А что сможете?

Вопрос ему понравился больше, чем приветствие. Мы прошли по склону. Он долго смотрел вниз, выслушал Костина, задал несколько неудобных вопросов. Я ответил не на все.

— Тут вашим людям головы поднимать придётся, — сказал он. — Сообщать кому?

Я показал Азарова.

— Если оборвёт?

— Через посыльного.

— Поставьте, который до меня добежит и не забудет по пути, зачем.

Он говорил без насмешки. Я уже видел, как под огнём исчезают самые простые слова. Выделили двоих, показали до-

рогу. Каширин заставил обоих повторить, что и кому передавать. Получился короткий урок без единого выстрела.

После него Савельев попросил разрешить такой же обход своим помощникам. Я разрешил.

На востоке светлело. Птицы начинали утро с такой уверенностью, словно все ночные звуки к ним не относились.

Зубцов пришёл с компасом.

— Направления сверили, — сказал он. — У Рожкова на схеме дорога в другую сторону загибается. Я ему показал.

Он стоял чуть боком, берёг недавно раненное плечо. Ремешок компаса был измочален, крышка не закрывалась до конца. С этим прибором он прошёл весь наш лес и продолжал держать его так, будто без стрелки местность могла внезапно повернуться.

— Ночью отдыхали?

— Немного.

— Теперь больше. До полудня.

Он хотел возразить, но зевнул. Смущённо прикрыл рот здоровой ладонью и ушёл.

* * *

Женщина у дороги ждала, пока мы закончим разговор с артиллеристом.

Она была без платка, в тёмном платье, подол которого посерел от пыли. На руках держала стопку досок. За нею стоял худой подросток с ведром.

— Для ваших раненых, — сказала женщина. — Пол снять

разрешили. У нас во дворе суше будет.

— Кто разрешил?

— Хозяин. Он у вас внизу, в обозе. Сам бы принёс, да ногу подвернул.

Я позвал Коршунова. Доски требовались не только раненым, но начинать с этого объяснения не стоило.

Женщина представилась Екатериной Ильиничной Ланской. Школьная учительница, здесь жила у сестры. Мальчик — сын Миша. Муж служил; писем после начала войны не было.

Она рассказала это быстро, отвечая на обычные вопросы. Я заметил, как Миша всякий раз смотрит на неё при упоминании отца.

— Вам эвакуироваться надо, — сказал я.

— Говорили. Пришли — мест нет. Потом ждали поезд. Поезд не пришёл. Сестра с матерью уехали раньше, мы остались дом закрыть.

Она не жаловалась. Сообщала последовательность, в которой несколько маленьких задержек сделали большой бедой то, что неделю назад ещё можно было исправить.

— Дом закрыли?

— Закрыли. Теперь ключ здесь ношу.

Екатерина Ильинична посмотрела на дорогу.

— Ваши солдаты у колодца стоят. Вы им скажите, там ведро плохое. Дно отойдёт — останутся без воды. Миша покажет другой.

Я не собирался отправлять подростка в нашу разведку. До второго колодца, в пределах двора, он мог проводить хозяйственных людей. Пошли взрослые. Миша остался с матерью, сердился на меня открыто и по-детски.

Доски приняли. Екатерина Ильинична попросила не писать расписку — некогда. Коршунов всё равно записал, откуда получили. Поставил лист на край катушки, чтобы было удобнее.

Учительница смотрела на его повреждённую руку.

— У вас многие такие?

— Многие, — ответил я.

Она помолчала.

— Завтракали?

У неё не было еды для роты. Было несколько картофелин и привычка спрашивать взрослого человека о том, о чём он сам не помнил.

Я понял, что вопрос адресован мне.

* * *

Спать меня отправил Дроздов.

— Костин на месте. Связь есть. Я правый край посмотрю. Приказ какой, пока вас нет?

Я перечислил. Сержант повторил главное. По тому, как он слушал, я почувствовал себя значительно спокойнее, чем после собственного ночного обхода.

Лечь удалось на плащ-палатку в нише у заднего склона. Под голову положил сумку. Пистолет оставил так, чтобы до-

стать правой рукой. Левую устроил осторожно.

Сон пришёл сразу и оказался жестоким.

Лена стояла на кухне и резала хлеб. Я знал, что она жива, что до неё можно дойти, надо только миновать коридор. Но коридор удлинялся. На полу появлялась земля, стены становились ближе, и впереди вместо двери лежал Плотников.

Я проснулся от телефонного звонка.

Тело уже поднималось, прежде чем голова успела понять, где находится. В плече полоснуло. Азаров, увидев меня, замахал ладонью.

— Не вам. Не вам пока.

Я сел обратно.

Прошло сорок минут.

Савельев сидел у аппарата и разбирал с Кудриным условные обозначения. Учитель говорил тихо, терпеливо. Кудрин водил пальцем по листу и никак не мог понять, почему один и тот же сарай на разных рисунках имеет разную величину.

— Потому что это схема, — объяснял Петя. — Нам важно, где он, а не сколько в нём досок.

Я лёг и закрыл глаза.

На этот раз проснулся от далёких разрывов. Азаров уже смотрел в мою сторону.

— Теперь вам, товарищ лейтенант.

Глава 3. Машина с востока

Грузовик стоял поперёк дороги, медленно качаясь на спущенном колесе.

Водитель выбрался из кабины и смотрел на него с обидой. В кузове люди присели за бортами. Один протянул руку за вещмешком, но лежавший рядом боец резко дёрнул его вниз.

Я ещё не видел, откуда стреляют.

Склон заслоняли сараи. От нашего окопа до машины было недалеко, но открытая полоса между ними казалась неправильно широкой. Мы с Костиным добрались до нижнего края, когда по кузову коротко простучало. Водитель исчез под передним крылом.

— Дорогу закрыть, — сказал я.

Посыльный побежал к Дроздову. У поворота уже показалась следующая машина.

Костин поднял бинокль.

— За дальним забором. В саду движение.

— Видите кого?

— Теперь вижу.

Он опустился и позвал своего помощника. Тот ушёл вдоль стенки. Я поймал себя на желании последовать за ним и остался возле Костина. Если оба командира роты уйдут разглядывать один забор, остальным от этого легче не станет.

С грузовика спрыгнул человек. Упал на колено, пополз. За ним второй.

В этот момент противник снова ударил по кузову.

Стрельба была короткой, злой. Ничего похожего на наступление, о котором потом рисуют стрелки. Несколько людей за оградами выбрали место, где машина должна замедлить ход, и теперь заставляли нас смотреть на неё всей ротой.

— За склоном тоже наблюдать, — сказал я. — Не только сюда.

Костин передал.

Потом пришёл доклад от Рожкова: у него заметили небольшую вражескую группу. Соседи открыли огонь. Машина оказалась между двумя участками, и каждый видел только часть происходящего.

Я отправил Рожкову то, что знал. Без просьбы немедленно идти вперёд. Хотелось отдать именно такой приказ чужому подразделению, потому что с их стороны было ближе. Но я не видел их людей и не отвечал за то, что ждало за садом.

* * *

В кузове поднялась белая тряпка.

Кто-то держал её на вытянутой руке, пытаясь показать с той стороны, откуда били. Белое пятно металось над бортом. Потом рука исчезла, и тряпка осталась висеть на щепе.

— Медицинские? — спросил Костин.

Я не знал. Видел только серую спину человека, который пытался сдвинуть другого к заднему борту.

Следующая машина уже остановилась у поворота, но за нею подходила третья. Если все встанут здесь, одного обстрела хватит на целую очередь.

Я отправил посыльного не к шофёру, а к ближайшему посту на дороге. Сам водитель будет смотреть на горящий грузовик впереди и решать, как его обойти. Регулировщик мог остановить тех, кто ещё ничего не видел.

Осин вернулся от соседей. Рожков сообщал, что стрельба идёт через край сада. Его люди тоже не могут свободно подняться. Согласовать общий рывок сейчас не получится.

Костин предлагал спустить небольшую группу ближе и вытянуть пассажиров к нашему склону. С его места это выглядело разумно. Я показал на канаву.

— Они поползут вдоль неё. Где выход?

Он посмотрел ещё раз.

У самого поворота канава обрывалась. Дальше шла полоса утоптанной светлой земли. На ней уже лежало что-то похожее на вещмешок.

— Там накроют, — сказал лейтенант.

Я не ответил. Он видел то же самое, что и я.

Моё прежнее тело помнило другой подбитый транспорт. После учений мы разбирали запись: люди правильно покинули машину, правильно легли, а потом почти все попытались пройти через один удобный выход. На экране можно было провести линию, остановить изображение, показать, куда попадёт следующая очередь. В жизни изображение не

останавливалось.

Я не пытался вспомнить красивое название приёма. Попросил Осина показать, где наши смогут принять людей, не заставляя их снова подниматься на дорогу. Он нашёл место ниже, за хозяйственной стенкой. Дальше от нас, зато там был прикрытый поворот.

Теперь оставалось передать это тем, кто застрял возле машины.

Водитель высунул голову из-под крыла. Я махнул, показывая вниз. Он не понял. Помахал в ответ, будто соглашался с тем, чего не разобрал.

— Через Рожкова, — сказал Костин. — У него ближе передний.

Я кивнул. Посыльный ушёл, а я поймал себя на том, что опять держу ладонь поднятой. Убрал.

Внизу хлопнуло. Кто-то у грузовика выругался так громко, что было слышно здесь. Из кузова съехал боец, рухнул на землю вместе с мешком. Другой поймал его за ворот.

Мы отдали расчёту ручного пулемёта задачу наблюдать за краем ограды, где уже видели вспышки. Бить по всему саду я запретил: там находились и люди Рожкова. Костин сам уточнил, где они.

Первый диск ушёл слишком быстро. Пулемётчик не зажмуривался, но стрелял с яростью человека, которому хочется вытолкнуть страх из груди вместе с патронами. Осин ткнул его в плечо. Что-то сказал. Следующая очередь стала

короче.

За нижней стенкой показалась каска. Боец Рожкова пригнулся, крикнул шофёру. Тот обернулся и наконец пополз в нужную сторону. До него дошло не моё далёкое махание, а чужой голос с нескольких шагов.

Я почувствовал короткое облегчение и сразу увидел, как медленно движется приказ по дороге к раненому. Каждое звено занимало время. В этом времени человек успевал испугаться, подняться и сделать по-своему.

Осин вернулся к своим. Я велел не допускать новых машин до разрешения с обоих участков.

* * *

Седых привёл верёвку и двух бойцов.

— Водитель просит помочь. У него раненые в кузове.

— Сколько?

— Не разобрал. Говорит, двое свои не идут.

У меня на секунду вернулся лес. Перекошенная телега, крик, человек под колесом. Организм узнал картину раньше разума: пересохло во рту, свело живот.

Каширин получил сведения и отказался стрелять по забору сразу.

— Ваши где?

Мы уточнили. Пока уточняли, из грузовика стащили одного раненого. Водитель полз рядом, подталкивая его ногой к канаве.

Седых сорвался раньше команды.

Я увидел его уже на открытом месте. За ним бежал Лукин — невысокий боец с чёрной щетиной, которого я запомнил ночью у досок. Они добрались до канавы, припали к земле.

Я выругался. Возвращать их криком значило заставить снова подняться. Через посыльного передал: двигаться только после согласования, раненых держать в укрытии.

Азаров просил по телефону повторить, кто именно остался у машины. Костин заметил движение за оградой и показал Каширину. Артиллерист ответил коротко. Почти сразу раздался выстрел.

Ограда исчезла в пыли.

Не вся. Не вместе со всем противником. Просто часть сада на несколько секунд перестала быть удобным местом для стрельбы.

Этого хватило, чтобы вытащить ещё одного.

Потом ударило по дороге.

Первый разрыв я услышал уже после того, как меня ткнуло землёй в лицо. Второй лёг ближе к машине. Кто-то кричал «назад», и я не сразу понял, что это мой голос.

Костин прижал меня к стенке здоровой рукой. Я попытался сбросить её, потом увидел, как на месте, куда собирался подняться, сыплются обломки досок.

Стреляли несколько минут. За это время можно было прожить очень много ненужных мыслей.

Когда стало тише, грузовик уже горел.

* * *

Огонь перебросился на брезент.

Кузов был открыт сзади, но войти в него прямо уже нельзя. Пламя тянуло вдоль борта. Я видел в просвете неподвижные ноги и человека, который пытался повернуть лежащего поперёк.

— Там ещё один, — сказал Костин.

Рядом с нами боец начал снимать ремень, собираясь бежать. Лейтенант придержал его.

Снизу, из канавы, выбрался водитель. Лицо в грязи, губы белые. Он что-то кричал, показывал на заднее колесо.

— Переведите сюда, — сказал я.

Не языковой перевод требовался. Просто человек ближе к нему должен был понять и повторить нам. Из-за треска и стрельбы мы различали отдельные гласные.

Выяснилось: в кузове тяжёлый, которого двоим не поднять через борт. Остальные уже сдвинулись к канаве. До пламени оставалось недолго.

Я взял двоих, которых Костин назвал сам. Не самых первых, вскочивших от чужого крика. Тех, кто услышал задачу. Дойти до прикрытого края, помочь извлечь, дальше передать нашим. Осин должен был встретить на нижнем повороте.

Я хотел пойти третьим и уже шагнул, когда Костин сказал:

— Левой возьмёте?

Только два слова. Не стыдил, не убеждал, не вспоминал врача.

Я посмотрел на собственную руку. Ею сейчас нельзя было

удержать даже неловко повёрнутый планшет. Если раненого уронят из-за меня, больше смелости от этого не станет.

— Действуйте.

Они спустились. У первой стенки залегли, переждали. Дальше я потерял их из виду. Видел только верх грузовика и огонь, который уже подбирался к кабине.

Один раз кто-то мелькнул у борта, исчез. Потом из канавы протянули руку, приняли свёрток. Тело в плащ-палатке двигалось рывками. Раненый открыл рот, закрыл, снова открыл. До меня не долетало ни звука.

С правого края доложили о движении за садом. Я заставил себя повернуться. Если перестану видеть остальной участок, люди у машины станут единственным, ради чего существует рота. Именно этого сейчас от меня требовала каждая жила.

Проверили, кому передать. Рожков оставался на месте. Костин развернул часть наблюдения к другому краю. Каширин сообщил, что второй подтверждённой цели пока не видит.

Потом люди у нижней стенки подняли носилки.

Они не бежали. Нести там можно было только согнувшись, переступая по одному. Шофёр полз последним и всё время оборачивался на машину.

Когда носилки приняли наши, я увидел, как Костин разжал левую ладонь. В ней остался обрывок бумаги, который он держал с самого начала стрельбы. Даже не помнил, что смял.

На дороге хлопнуло громче. Борт горящего грузовика прогнулся внутрь.

Мы успели вытащить человека, которого ещё можно было передать врачу. В кузове никого живого больше не обнаружили. Проверяли те, кто видел его изнутри и выбрался последним. Отправлять туда новых людей ради моей потребности убедиться ещё раз я не стал.

Рожков передал, что противник отходит за дальние строения. Преследовать он не может. Мы тоже не могли.

Я отправил сводку в батальон, потребовал принять задержанное движение по согласованному порядку и наконец пошёл вниз к тем, кто так и не поднялся.

* * *

Седых нашли возле канавы.

Он лежал лицом вниз. Рядом были двое вытащенных из машины, оба живые. Один прижимал к груди чужую фуражку. Даже когда его подняли, не выпускал.

Лукин умер у Зинаиды. Не сразу. Она успела передать его врачу, позвала ещё людей, потом я стоял снаружи и слушал, как кто-то просит поднести воды.

Водитель выжил. Его трясло так, что он не мог назвать свою фамилию. Присев у стены, он держал обгоревший путевой лист и всё повторял, что ехал по разрешённому маршруту.

Я отправил его к санитару и остался с Костиным.

— Надо было удержать Седых, — сказал я.

— Надо. Только приказа до него не было.

— Я видел, что собирает людей.

— Видели. Не сказали, чего ждём. Он решил, что дело понятное.

Мне захотелось ответить резко. Про самостоятельность, про нарушение, про то, что взрослому солдату не нужно объяснять каждый шаг. Я успел вспомнить, как ночью требовал от Костина переставлять людей, не видя склона.

— После доклада разберём, — сказал я. — С помощниками. Пока — чтобы больше никто не уходил к машине без команды.

Он кивнул и остался рядом.

Именно за это я был ему благодарен. Костин не успокаивал меня. И не уходил в тот момент, когда я больше всего хотел избавиться от свидетеля.

* * *

В машине везли имущество и людей из разных подразделений. Среди спасённых оказались двое медработников. Один, фельдшер с седыми висками, настоял, чтобы его сразу отвели к нашим раненым.

Под вечер пришли забирать тех, кто относился к их части. Документы пересчитали. Уцелевшее имущество передали хозяйственным людям. Водитель нашёл голос и наконец назвал фамилию.

Я записал её для доклада.

Савельев стоял рядом. В его блокноте появились две но-

вые строки. Седых. Лукин. Я знал, как зовут обоих, знал, где лежат документы, и от этого отчёт не становился легче.

— У Седых дочка, — сказал Петя. — Он вчера рассказывал. Четыре года.

Варя в четыре года боялась стрекоз. Почему-то именно это я вспомнил. Не диплом, который дочь получила в моей прежней жизни. Маленькие пальцы, вцепившиеся в рукав: папа, она большая.

— Адрес записан?

— Да.

— Сохрани отдельно.

Учитель кивнул.

Вечером Киреев принял доклад. Я объяснил, где остановилась машина, как развивалась стрельба, что не успели согласовать. Капитан уточнил несколько подробностей. Не стал говорить, что двое всё равно погибли бы.

— На дорогу ночью пост выставите по общему распоряжению, — сказал он. — Пока движение не возобновлено, никого самовольно не пропускать. Обстановку восточнее уточняем.

Я положил трубку.

У слова «восточнее» появился вес, которого утром ещё не было.

Глава 4. Двенадцать мест

Место в машине досталось Быкову, и он немедленно попытался его отдать.

— Я тут с котлами помогу. Нога уже лучше.

Он сидел на бревне у перевязочного сарая, держа палку между коленями. Рядом Пахомов смотрел на дорогу с такой осторожностью, будто грузовик мог исчезнуть от прямого взгляда.

Зинаида устала спорить ещё до моего прихода.

— Врач решил, — сказала она. — Ночью осматривал. Обоих.

— Он мою работу не знает.

Я присел перед Быковым.

— Покажешь её другому месту. Сначала долечишься.

— А у вас?

У меня оставались сто сорок четыре человека и работа, которой хватило бы на батальон. Двенадцать из них допускались только к такой нагрузке, которую всё труднее было обещать на позиции.

Ночью медицинская служба сумела согласовать машину на обратный рейс. Путь требовал сопровождения и проверки; отправку могли отменить в любой момент. Двенадцать мест после размещения больных. Из нашей роты врач выбрал тех, кому продолжение окопной службы грозило ухуд-

шением.

У Быкова нога опять отекла. Пахомов не мог добраться до нижних сараев без остановки. Оба скрывали это каждый по-своему. Один предлагал работу, второй старался вообще не попадаться на глаза.

— Выходить из леса вместе можно было, — сказал Быков. — А теперь рассыпаться?

— Теперь можно отправлять людей к врачам. Мы для этого и выходили.

Он опустил взгляд.

* * *

Осмотр продолжался с рассвета.

Врач, пришедший из батальона, не позволил мне решать, кто останется полезнее. Просил назвать, какую работу человек выполняет, потом смотрел сам. Быков старательно умалчивал про то, что ночью не смог дойти до кухни. Пахомов отвечал честнее, но показывал ногу так, будто виноват в её состоянии.

Меня выгнали за дверь после третьего вопроса.

— Вам потом скажут, кого можно использовать. Здесь люди начинают отвечать для командира.

Я вышел. Снаружи нашёл Костина.

— Меня тоже, — сказал он.

— Руку смотрели?

Он показал обновлённую повязку.

— Сказали, если продолжу изображать здорового, от меня

пользы меньше будет.

Мы сели на бревно. Несколько минут молчали.

В прошлой жизни я однажды приехал на работу раньше, чем разрешили после операции. Был уверен, что самое нужное моё свойство — присутствовать лично. Начальник посмотрел, как я поднимаюсь по лестнице, забрал ключ от служебной машины и вызвал жену. Лена тогда не ругалась. Это оказалось гораздо неприятнее: молча забрала домой, положила на стол выписку и поставила рядом стакан воды.

Здесь позвонить Лене было некому. Зато врач сумел точно так же лишить меня красивой версии собственного упрямства.

Из сарая вышел Быков. Ходил без палки. Пахомов нёс её за ним и не понимал, куда деть.

— Долго так? — спросил Костин.

Быков сел.

— Как надо, так и буду.

Лейтенант ничего не ответил. Поставил палку рядом, чтобы было за что взяться, и отвёл Пахомова к другому краю.

Через минуту Быков поднялся. Постоял, поморщился, взял палку. На меня не смотрел.

После осмотра врач объяснил ограничения. Я записал. Один из отправляемых мог сидеть и помогать руками. Другого следовало устраивать так, чтобы не приходилось держать больную ногу на весу. Для третьего нужна была опора при подъёме. Мелочи складывались в устройство всей ма-

шины.

Остапенко измерил настил верёвкой, покачал головой.

— Если всех ровно положить, людей двенадцать, а мест меньше.

Водитель начал раздражаться. Ему уже обещали скорую погрузку.

Я попросил врача и Остапенко договориться на месте. До этого собирался просто дать число и ждать, когда машина будет готова. Теперь видел, что число не помещается в кузов само собой.

Сняли лишнее имущество, переставили подкладки, часть посадили. Быков оказался рядом с человеком, которому требовалось помогать пить. Получил задачу от санитара и сразу перестал предлагать остаться у кухни.

Мне хотелось похвалить его. Вместо этого я подержал борт, пока он устраивался, и спросил, не давит ли под коленом.

* * *

Вопрос о двенадцати возник не у одних раненых.

Помощник Костина, сержант Осин, пришёл ко мне сразу после завтрака. Длинный, сутулый, с тихим голосом. До армии работал на железной дороге. Во время вчерашнего обстрела именно он удержал людей у нижней стенки, когда остальные начали подниматься смотреть на грузовик.

— Мне сказали, двенадцать от нас едут.

— Сказали правильно.

— Взвод всё равно даст людей на погрузку. Только…

Он не закончил.

— Что только?

— Из боеприпасного места вчера тоже вывозили. А нам обещают подвезти. Может, машина сначала заедет туда, потом уже раненых?

Предложение было разумным. В этом и состояла его опасность. Ещё один заезд. Ещё немного груза. Ещё час, который можно оправдать пользой для тех, кто остаётся.

— Маршрут согласован врачом и штабом, — ответил я. — Водитель сам не решает, куда поворачивать. Наш посыльный не будет ему предлагать.

Осин кивнул, но не ушёл.

— Я не против них.

— Знаю.

— Нам тоже держать.

— Знаю, Осин.

Я отправил Кирееву отдельную просьбу по имуществу. Не прилепил её к медицинской отправке. Капитан ответил, что вопрос уже стоит, свободного транспорта пока нет. Отказ не сделал Осина неправым. Просто обе нужды существовали одновременно.

Костин выслушал разговор и спросил, не требуется ли помощь с погрузкой.

— Вы согласны с отправкой?

Он посмотрел на Пахомова.

— Здесь он не поправится. А в следующий раз мы его понесём. Лучше сейчас.

В лесу Виктор Сергеевич когда-то предлагал уйти без медленной колонны. Я помнил это. Он тоже помнил. Поэтому мы не стали продолжать разговор перед людьми.

* * *

Киреев разрешил передать с медицинской машиной письмо Мартынову.

Не лично в руки. В ту службу, где могли знать дальнейшее направление старшины. Возможность была слабой, но достаточно настоящей, чтобы попробовать.

Я написал, что рота размещена, люди распределены, Коршунов пока разбирается с хозяйством. Что рана моя без ухудшения. Зинаида прочитала эту строку и велела добавить: «при соблюдении назначений».

Кудрин попросил передать отдельный листок.

Он спрятал его вдвое раньше, чем я успел посмотреть.

— Личное, товарищ лейтенант.

— Тогда складывай.

— Я там спросил, что для руки делать. Когда тянет.

Зинаида, услышав, подошла к нему сама.

— Для руки идти ко мне. Старшина тебе из госпиталя повязку не поправит.

Кудрин смутился.

Я понял, что он хотел спросить не только про руку. Мартынов был тем, кто находил ему занятие, помнил про еду

и замечал попытки что-нибудь припрятать. Некоторые люди продолжают ждать хозяйственного распоряжения от человека, даже когда того уже нет рядом.

Листок я принял.

В общий пакет положили сведения об отправляемых и наш запрос о дальнейшей судьбе первой медицинской группы. Никакого ответа пока не было. Вера, Данилов, Зорин, Поляков, Новиков и остальные двигались где-то по настоящей дороге, которая на моей карте очень быстро переставала быть настоящей.

Я не позволил себе вообразить, что делаю этим письмом больше, чем могу.

* * *

До подтверждения рейса я сходил к Кирееву.

Капитан одновременно разговаривал с посыльным и пытался разобрать чужой лист. Возле стола стоял человек, которому нужен был транспорт под имущество. В углу дремал телефонист. Я подождал, пока нас заметят.

— Опять по машине? — спросил Киреев.

— По обратному пути. Нам нужно знать, когда отправку точно снимают, если подтверждения нет.

Капитан отложил лист.

Я объяснил: больные сидят, санитар занят, водитель ждёт. Через несколько часов их придётся снимать, кормить, осматривать заново. Если дорогу подтвердят поздно, мы начнём всю работу сначала и опять потеряем время.

В прежней службе это назвали бы подготовкой до получения команды. Здесь я предложил держать людей не в кузове на солнце, а рядом, под укрытием, и заранее оставить за машиной только согласованное медицинское назначение. Чтобы её не успели перехватить под первую срочную просьбу.

Стоявший у стола хозяйственный командир посмотрел на меня.

— У нас снаряды, товарищ лейтенант. У вас люди, которые могут посидеть.

Я не стал спорить, кому важнее. Попросил капитана назвать, чьё решение требуется для изменения уже назначенного рейса.

Киреев устало потёр щёку.

— Моё через майора. Водитель не должен сам выбирать.

— Тогда дайте ему это услышать. И принимающим передайте число, чтобы не отказали на полдороге, когда вместо свободного кузова увидят лежачих.

Капитан некоторое время смотрел на меня. Потом подозвал связного.

Мне казалось, я говорю очевидное. Возможно, так и было. Но в этой комнате каждый принёс свою очевидную причину получить машину, и без отдельного решения она ушла бы за тем, кто дольше простоит у дверей.

Хозяйственный командир вышел вместе со мной.

— Знаете, если мои не подвезут, вашим же завтра будет хуже.

Он говорил спокойно. От этого было тяжелее, чем от брани.

— Знаю, — ответил я. — Я не могу у вас взять другую машину. Эту назначили уже.

Он поправил ремень.

— Доведите хоть.

Я кивнул. Благодарить его за согласие со своим поражением не стал.

На обратном пути мы с сопровождавшим бойцом несколько минут простояли у дороги. Шли машины, подводы, люди из разбитых частей. У одной женщины в узле шевелилось что-то живое. Она прижимала свёрток двумя руками и не смотрела на нас.

Я вспомнил дату. Четырнадцатое июля. Название Чаусы ещё не прозвучало в нашем вечернем сообщении, но от него уже было трудно отделить мысль о дороге. Хотелось броситься к капитану снова, потребовать немедленного пропуска, назвать то, что я знал из будущего.

У меня не было подтверждения, в какой точке путь перерезан сейчас. Если заставлю шофёра ехать без проверки, двенадцать человек могут оказаться первыми, кто об этом узнает.

Я вернулся к машине и занялся тем, что мог сделать до разрешения. Проверил погрузку. Попросил сопровождающего повторить место передачи. Добился, чтобы запас пищи оказался у самих больных, а не в одном узле, который можно

забыть при пересадке.

Быков спросил, куда все торопятся.

— Пока есть возможность, надо ехать, — ответил я.

— А вы?

— А мы здесь.

Он посмотрел на наши окопы и перестал задавать вопросы.

* * *

Отправку задержали на два часа.

Сначала ждали подтверждения с дороги. Потом водитель осматривал крепление настила. Потом один из двенадцати начал жаловаться, что забыл документы, и выяснилось: документы лежали у него за пазухой в другом кармане.

Каждая задержка казалась последней ошибкой, которая погубит всё.

Я держался подальше от кабины. Знал: если подойду, начну торопить человека, который проверяет машину. Занялся остальными. Назначил смену на дороге. Проверил, кто принял имущество отправляемых. Приказал выделить им пищу, которую можно съесть в пути.

Пахомов подошёл сам.

— Зубцову передайте, компас пусть на ночь снимает. Он под себя кладёт, потом крышка гнётся.

— Сам передай. Он здесь.

Зубцов вышел из-за сарая, услышав фамилию. Пахомов повторил. Они посмотрели друг на друга и засмеялись так

негромко, что смех напоминал кашель.

Я отошёл.

Быков попросил помочь подняться. На этот раз без спора.

Когда его устроили, он позвал Костина и сказал несколько слов, которых я не расслышал. Лейтенант наклонился, ответил. Оба пожали друг другу руки.

Машина тронулась во второй половине дня четырнадцатого июля. Посыльный медицинской службы ехал с нею до передачи на следующем участке. Подтверждение нам обещали передать через штаб.

Я смотрел вслед дольше, чем требовалось.

— Сто тридцать два, — сказал Савельев.

Это прозвучало неожиданно хорошо. На двенадцать меньше, и на этот раз все двенадцать были живы.

* * *

Вечером до нас дошли сведения о танках на дорогах восточнее Могилёва.

Сначала — с чужих слов. Потом Киреев подтвердил, что движение нарушено и прежними маршрутами пользоваться нельзя без новой проверки. Названий он произнёс несколько. Одно задержалось у меня в голове: Чаусы.

Я помнил это название. В старой жизни читал о боях вокруг Могилёва, видел фотографии, разговаривал с поисковиками. Знал, что здесь будет окружение. Не помнил, какая именно дорога и в какой именно час перестанет пропускать машины.

Сейчас очень хотелось превратить память в точный приказ.

Я подошёл к карте и посмотрел на пометки наших посыльных. Они были сделаны людьми, вернувшимися сегодня. Им следовало верить больше, чем моей уверенности, выросшей из будущего учебника.

Костин ждал.

— Меняем что-нибудь?

— Готовность повышаем. Дорогу держим. Запасной подход к сараю проверим сегодня, а не завтра.

— Своих двенадцать?

— Ждём подтверждения.

Оно пришло уже после темноты. Машину приняли на следующем этапе маршрута. Люди переданы медицинской службе, все по перечню.

Я поставил время на листе.

Потом впервые за день почувствовал, как сильно хочется пить.

Глава 5. Пополнение

Семнадцать человек привели к нам шестнадцатого июля.

Киреев прислал с ними записку и сержанта, который сразу начал извиняться за состав. Я остановил его раньше, чем он успел назвать кого-нибудь негодным.

— По одному расскажете. Потом сами посмотрим.

Люди стояли у дороги с вещмешками. Оружие было не у всех. Один держал винтовку без ремня, другой нёс скатку так аккуратно, словно только что вышел из казармы. Крайний красноармеец придерживал за локоть пожилого соседа.

За предыдущий день мы успели углубить часть окопа, устроить укрытие для отдыха и понять, что наведение порядка никогда не заканчивается. Теперь к роте добавились люди, которых требовалось сначала накормить, осмотреть и хотя бы научиться узнавать по лицам.

— У кого раны или температура, сразу к санинструктору, — сказал я.

Никто не двинулся.

Зинаида посмотрела на крайнего.

— Который локоть держит — первым.

Он вздохнул и подошёл.

* * *

Тимошин оказался пекарем.

Пятьдесят лет, тяжёлые ладони, глубокие морщины у рта.

В документах значилось прежнее хозяйственное назначение. После нескольких перемещений он попал на сборный пункт и теперь был отправлен в пополнение вместе с теми, кого там удалось собрать.

Первое, что он спросил: где получают хлеб.

Коршунов насторожился.

— Вы уже получали?

— Я спрашиваю, где храните. Чтобы потом не искать, почему мокрый.

Через полчаса они стояли возле нашего запаса и спорили так, словно знакомы много лет. Тимошин требовал поднять мешки выше. Коршунов объяснял, что доски ушли к раненым. Остапенко слушал, примеряя взглядом старую дверь.

Я не вмешивался, пока не выяснилось, что дверь хотят снять с дома Екатерины Ильиничны.

— Хозяйку спросили?

Тимошин посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— Спросим.

— До того, как снимете.

Вечером хлеб лежал на настиле из разобранного ящика. Дверь осталась на месте. Коршунов впервые со времени отъезда Мартынова сумел сесть и поесть, не вскочив за первой же ложкой.

Тимошина я назначил исполнять обязанности ротного старшины. Он долго уточнял, с какого именно момента отвечает за имущество, потом заставил Коршунова пересчитать

принятое вместе с ним.

— Мартынов бы одобрил, — сказал Петя.

— Мартынов сначала спросил бы, куда дели девятую лопату, — ответил Коршунов.

Мы уже знали, где она. Всё равно засмеялись.

* * *

За первой общей едой старый состав и пополнение едва не подрались.

Один из пришедших увидел, как незнакомый ему боец перекладывает хлеб из общего узла себе в карман. Схватил за кисть. Тот дёрнулся, ударил локтем, опрокинул чужой котелок. На крик сбежались сразу несколько человек.

Я застал их стоящими лицом к лицу. У одного текла кровь из носа, другой судорожно сжимал свой карман.

— Доставай, — сказал Тимошин.

— Моё.

— Тогда покажи.

В кармане оказалось два куска. Один свежий, только что отрезанный. Второй старый, с прилипшей к корке ниткой.

Пострадавший смотрел на нас с такой ненавистью, будто все присутствующие лично погнали его через разбитые станции. Фамилия — Гущин. В роте он был раньше, просто последние дни ел с другой группой; узел перепутали при раздаче. Тот, кто схватил, не знал его в лицо и решил, что пришедший крадёт второй паёк.

От этого никому не стало легче. Пролитая каша остава-

лась на земле, нос был разбит по-настоящему.

Я велел сперва развести их. Тимошин проверил выдачу, Коршунов нашёл нужную строку. Ошибка началась до драки: два человека раздавали из одного запаса, но пользовались разными перечнями, один по вчерашним группам, другой по новым.

— Я же говорил, по взводам, — сердито сказал Коршунов.

— Говорил мне, — ответил Тимошин. — А я тому не успел. Сначала выдали, потом поменяли.

Они спорили без желания прикрыться солдатами. Гущин всё ещё стоял, сжимая хлеб.

Кудрин отвёл взгляд.

Я помнил его мешок с припрятанными сухарями. Сейчас ему было легче других поверить, что человек действительно ворует, и труднее признаться себе, почему он в это поверил.

Мы разобрали выдачу. Принесли пострадавшему другую еду. За удар и самовольный разбор пришлось отвечать тем, кто ударил. За путаницу я спросил с хозяйства и с себя: составы взводов утром изменил я, а как именно по ним выдадут хлеб, не проверил.

Гущин спрятал свои два куска обратно.

— У меня дома две дочки, — сказал он вдруг. — Я на них так не ору, как тут орут, когда хлеб берёшь.

Он обращался ни к кому.

Осин сел рядом, протянул ему чистую тряпку для лица. Подождал, пока тот успокоится, и стал расспрашивать, умеет

ли работать с деревом. Через пять минут они уже выясняли, что можно сделать с плохими креплениями у настила.

Так мы знакомились с людьми, которые всё это время были рядом.

* * *

Грачёву было девятнадцать.

Он утверждал, что умеет стрелять, и действительно правильно держал винтовку. На вопрос о последней стрельбе ответил: зимой, на занятиях. На вопрос, попадал ли под огонь, слишком быстро сказал «да».

Костин не стал ловить его перед другими.

Отвёл к окопу. Через некоторое время позвал меня.

Грачёв сидел на дне и смотрел на руки. За последний месяц он успел попасть в несколько команд, потерять одну, догнать другую и получить оружие, про которое не мог уверенно сказать, когда его чистили.

Под обстрелом он был. Однажды. Успел упасть в канаву и пролежал там, пока не стемнело. После этого решил, что больше никогда не поднимется, если услышит такой звук.

— Поднялся же, — сказал Костин.

— Когда кончилось.

— Значит, умеешь лежать и ждать. Теперь будем учиться делать остальное.

Лейтенант говорил спокойно, почти сердито. Забрал винтовку на проверку, показал, где будет место Грачёва и с кем он останется. Не поставил новичка на самый опасный край

и не отправил таскать ящики до изнеможения в наказание за страх.

Я оставил их.

* * *

Вечером я вернулся к Грачёву и застал совершенно другую картину.

Осин сидел с ним в окопе и заставлял рассказывать, что находится впереди. Парень называл забор, куст, пролом. Сержант каждый раз спрашивал, что он видит сам, а что запомнил с чужих слов.

— Пролом откуда знаешь?

— Вы сказали.

— А отсюда видно?

Грачёв потянул шею. Осин положил ладонь на каску, мягко опустил.

— Значит, не видно. Так и говори.

Я присел рядом. За оградой хлопнул один выстрел, и парень вздрогнул всем телом. Попытался спрятать это движением руки к подсумку.

— Со мной первый раз тоже разговаривать приходилось, — сказал Осин. — А я ещё и огрызался.

— Вы давно служите.

— Это я сейчас давно. А тогда было не давно.

Он снял пилотку, провёл ладонью по волосам. Грачёв смотрел на его руки с жадным вниманием. В первый день новобранцу нужен был такой человек: не далёкий командир

роты, уже умеющий всё на свете, а тот, рядом с кем можно пережить собственную неловкость.

— Что сделаешь, если Осин выбыл? — спросил я.

Грачёв побледнел.

— Товарищ сержант…

— Я здесь, — перебил Осин. — Лейтенант про то, как работу продолжить. Ну?

Мы не стали требовать от него командования отделением. Он должен был позвать назначенного старшего, сообщить, что произошло, и знать, кому передать ближайшее дело. Парень повторил, запнулся, повторил снова. На третий раз уже без взгляда на сержанта.

Затем я попросил показать, как он сообщит о раненом, если рядом стреляют. Грачёв начал с «там человека», замахал рукой в сторону всего сада.

Осин подождал.

— Я тебя сейчас понимаю. Другой поймёт?

Ушло ещё несколько минут. Простые слова, место, кто нужен. Мне приходилось ловить себя на желании подсказать раньше, чем он закончит. Хотелось услышать правильный ответ, а не дождаться его собственного.

Под конец Осин попросил меня оставить им полчаса.

— Он ещё поест. Потом отдыхать, — сказал сержант. — А то вы сейчас всё сразу в него положите.

Грачёв испуганно посмотрел, позволят ли так разговаривать с лейтенантом.

Я поднялся.

— Полчаса. Потом отдыхать обоим.

Осин кивнул. Парень впервые за разговор выдохнул свободно.

* * *

Ревякин пришёл последним.

Не потому, что опоздал. Он стоял в строю со всеми, получил еду, показался Зинаиде. Но документы у него были неполные, и сопровождавший сержант отложил его объяснения до конца.

Тридцать два года. До войны водил грузовик при связистах. Свою машину потерял во время налёта. Дальше шёл с разными группами. Тёмная щетина, порез над бровью, рукава слишком короткие.

Он рассказал всё последовательно. Даже чересчур. Я слышал такую речь у людей, которые много раз повторяли историю и боялись, что её перестанут слушать.

Ракитин, зашедший к нам из батальона, спросил:

— После налёта сразу ушли?

— Не сразу.

— С кем оставались?

Ревякин посмотрел на него. Потом на меня.

— У немцев.

За стенкой стукнул молоток. Остапенко вбивал скобу, и внезапно этот звук стал громче всего остального.

— Сколько? — спросил политрук.

— Два дня. Может, третий кусок. Время не считал.

— Почему в записи нет?

— Есть. Я тому, который первый принимал, сказал. Дальше про машину спрашивали.

Ракитин взял лист. Перечитал. Кое-что действительно было зачёркнуто и перенесено другой рукой. Из нескольких строк невозможно было понять, признался человек в пленении или рассказал о встрече с чужими пленными.

— Свидетели?

Ревякин назвал двоих. Одного оставил на сборном пункте, другого потерял по дороге. Назвал место. Показал направление по нашей схеме плохо: он знал дорогу глазами, а на бумаге путался.

Ракитин убрал лист.

— Уточним через сборный пункт. Пока здесь. Самовольно из расположения не уходить. О случившемся расскажете подробно, с начала.

Оружие ему сразу не выдали. Работу у хозяйственных людей дали под наблюдением Коршунова, без особого представления роте. Ревякин молча кивнул.

Когда он вышел, я спросил политрука:

— Долго будут уточнять?

— Не знаю. Где их теперь найдём.

Он сказал это раздражённо. Но раздражался на отсутствие ответа, а не на человека, который сделал его работу сложнее.

* * *

В тот день штаб подтвердил, что прежние пути сообщения на восток перерезаны.

Слухи об окружении дошли до солдат раньше приказов. Кто-то уверял, что рядом уже собирают ударную группу. Кто-то говорил, что из города больше никому не выйти. Азарову через аппарат задавали вопросы, на которые не мог ответить ни телефонист, ни я.

Я собрал помощников.

На нашей карте дороги оставались дорогами. По нескольким ещё двигались свои внутри общего района обороны. Выхода в глубокий тыл это больше не означало.

— Запасы принимать и беречь, — сказал я. — Самовольно никого искать не отправляем. О соседях докладывать сразу. Пополнение в одиночку не оставлять.

Дроздов спросил, объяснять ли людям про окружение.

— Объяснять то, что подтверждено. Сообщение нарушено, часть дорог у противника. Наша задача прежняя. Про то, чего не знаем, не выдумывать.

Когда все разошлись, Костин задержался.

— Вы ждали?

Я посмотрел на него.

— Чего?

— Что опять так будет. Будто заранее к этому готовы.

Я хотел сказать: никто к этому не готов. Ответ был бы почти правдой.

— После Березины я больше не считал, что река решает

всё, — сказал я.

Костин кивнул. Этого объяснения ему хватило.

Мне — нет.

Глава 6. Окоп остаётся

Грачёв стрелял с закрытыми глазами.

Я заметил это не сразу. Сначала увидел, как он дёргает затвор, роняет патрон, судорожно лезет в подсумок. Рядом Осин что-то говорил ему, но парень уже не слышал слов.

По склону били. Земля сыпалась на шею, доска над головой трещала, словно её переламывали медленно и старательно. Внизу, за оградами, появлялись люди. Я различал движение, обрывки фигур, вспышки. Всё остальное приходилось достраивать, и воображение делало это хуже любого наблюдателя.

Грачёв снова поднял винтовку. Зажмурился прежде, чем нажать.

Осин ударил ладонью по стволу, отвёл вверх и усадил его.

— Смотри на меня!

Я прошёл мимо. Не потому, что парень не нуждался в помощи. Потому, что рядом с ним уже был человек, который помогал, а на другом краю меня звали третий раз.

Семнадцатого июля противник впервые взялся за наш участок всерьёз.

* * *

С утра над дорогой висел низкий туман. Дальше слышались моторы. Потом туман начал расходиться, и показалось, что день будет такой же, как предыдущий: тревожный, на-

полненный ожиданием, но ещё позволяющий что-то доделать.

Костин вовремя заметил, что у соседей слишком тихо.

Мы связались с Рожковым. Он ответил. Люди у него были на местах. Ещё через несколько минут обстрел начался сразу по нескольким точкам.

Первым исчез сарай, возле которого вчера ставили пустые ящики.

Я увидел облако кровельной щепы и совершенно спокойно подумал, что ящики не успели унести. Потом по окопу побежали люди, и спокойная мысль оборвалась.

Нижний пост успел предупредить, но предупреждение растворилось в шуме.

Боец прибежал ко мне, повторял «за сараями» и никак не мог сказать, сколько видел. Я остановил его у стенки, заставил повернуться лицом. Пришлось схватить за рукав, чтобы перестал показывать всюду сразу.

Увидел несколько человек. Шли пригнувшись. Потом начался обстрел. К нашему склону ещё не подошли.

Я не требовал числа, которого у него не было. Передал Костину направление и велел не снимать наблюдение с других мест. Он уже делал это.

Первые разрывы прошли по верхней кромке. Землю выкинуло наверх, несколько человек на мгновение пропали в пыли. Я увидел, как солдат у пулемёта открыл рот и трясёт головой, будто пытается вытряхнуть воду из уха.

Ручной пулемёт молчал. У него как раз меняли диск, тот самый, который удалось обменять после проверки. На секунду я испытал совершенно неуместную гордость: одна ночная придирка сейчас позволяла людям не разбирать заклинившую вещь под огнём.

Потом пулемётчик задел плечом стенку, и бруствер осыпался ему в лицо. Он снова замешкался.

Ни одна предусмотренная мелочь не отменяла остальных.

По нижней канаве поползли свои. С переднего наблюдения, не из основного окопа. Один отстал, прижимал руку к голове. Взвод начал звать их, и мне пришлось останавливать крики: половина людей высунулась смотреть.

Костин отправил встречающих по защищённому подходу. Двоих приняли, третьего подтянули. У него было разбито лицо, но он сам вцепился в товарища и помогал себя нести. К Зинаиде его передали живым. Позже оказалось, повреждение легче, чем мы решили по крови.

Я хотел задержаться, услышать заключение. Посыльный уже дёргал меня за гимнастёрку.

Справа поднимались люди противника. Сначала показалось, что они идут беспорядочно. Потом я увидел: одни задерживаются, пока другие перебегают до следующего укрытия. За нижней оградой оставались те, кто мешал нам подняться.

Их командир не собирался облегчать нам работу прямым движением по всей дороге.

Наша первая общая очередь пришлась слишком рано. Несколько винтовок выстрелили по пустому промежутку, когда противник уже успел пригнуться. Костин резко остановил ближних и передал дальше. Следующая стрельба была сдержаннее. У старого станкового расчёт работал молча, только один человек всё время показывал ладонью соседу, чтобы не высовывался.

В шуме он делал ровно то, о чём мы договаривались ночью. Вокруг этого маленького устойчивого дела остальные ещё могли держаться.

Я видел достаточно, чтобы попросить поддержку. Недостаточно, чтобы объяснить её без задержки. Пришлось возвращаться к аппарату, оставляя за собой часть того, что очень хотелось видеть самому.

Из батальона требовали уточнить, что происходит. Азаров кричал в трубку, прикрывая её ладонью от земли. Я передал то, что успел увидеть, и ушёл к взводу Дроздова.

Сержант встретил меня возле поворота. Он дышал тяжело, придерживая бок.

— Двое засыпаны. Вытаскиваем. Справа держится.

За его спиной работали руками. Лопата лежала рядом, но последние комья снимали ладонями, чтобы не ударить человека. Из земли торчала рука, пальцы шевелились.

Я встал на колени. Дроздов потянул меня за ремень.

— У меня двое есть. Вы здесь сейчас третий не нужны.

Я поднялся.

Врач ограничил мне нагрузку на левую руку. Ограничения не предусматривали отдельного пункта: перестать чувствовать себя трусом всякий раз, когда вместо тебя наклоняется другой.

* * *

Артиллерия ответила позже, чем я надеялся.

Каширин потом объяснил, что видел не всю цель и получил огонь по своему месту. В тот момент я слышал только паузу. Слишком длинную, совершенно непереносимую. Хотелось требовать, чтобы орудие немедленно вернуло нам уверенность.

Когда оно ударило, движение внизу замедлилось. Не прекратилось. По дороге прошла очередь, кто-то вскрикнул у стенки. Дроздов переслал доклад: с правого края враг пробует обойти сараи.

Я отправил часть резерва. Савельев принял приказ так спокойно, что я на секунду испугался: не понял ли.

Он понял. Повторил. Передал список помощнику, оставил людей с ограничениями на своих местах, остальных повёл сам.

Петя умел переносить раненых, считать повозки, ругаться с усталым возницей. Впервые я смотрел, как он ведёт людей в бой, где никто не обещал встретить их с другой стороны.

Я не остановил.

* * *

Зубцов пришёл от соседей, когда оборвалась связь.

Он был в грязи по пояс. Каску держал за ремешок, потому что внутри набилась глина.

— У Рожкова левее отошли. Сам остаётся. Просит знать, у вас как.

— Остаёмся.

Я показал, что изменилось. Назвал место, куда передвинут резерв. Зубцов повторил, нахмурившись, чтобы запомнить.

— Не обратно сейчас. Пережди.

Он кивнул и присел у стенки.

В другом конце окопа кричали, что кончаются патроны. Тимошин сам притащил ящик на волокуше, которую Остапенко сделал из обломка двери. Не из двери Екатерины Ильиничны — от той, что уже лежала возле разрушенного сарая. Я почему-то запомнил именно это.

Потом разрыв лёг совсем близко.

Тимошина сбило. Он поднялся, ощупал голову и сел обратно. Я повернулся к Зубцову.

Тот лежал на боку, каска откатилась к моей ноге.

Я позвал его по фамилии.

Он не ответил.

Под гимнастёркой быстро темнело. Я прижал ткань правой рукой, позвал санитара. Не успел ничего другого. Зубцов сделал один короткий вдох, словно хотел спросить, почему я навалился на него.

Потом остался неподвижен.

Времени возле него у меня было меньше минуты. Дроздов уже звал с поворота, и я понимал, зачем зовёт. Человек рядом со мной больше не слышал. Люди за поворотом ещё могли услышать.

Я встал.

Кровь осталась на ладони и мешала держать планшет.

* * *

После гибели Зубцова я несколько секунд не мог понять, зачем Дроздов показывает на сад.

Слова доходили. Смысл задерживался где-то между ними. На правой ладони подсыхала кровь, пальцы липли к планшету.

Сержант повторил громче. Через крайние дворы пытались пройти к нашему тыльному подходу. Не вся атака. Небольшая группа, которой могло хватить пустого места, чтобы отрезать нас от дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.